

РАССКАЗЫ О ЗНАМЕНИТЫХ МУЗЫКАНТАХ

I. На фортепианном концерте (Ференц Лист – Патриша Барбер)

На днях я побывал на домашнем концерте фортепианной музыки. Пианистка, она же хозяйка дома, прекрасно исполняла произведения Ференца Листа, предваряя каждое небольшим рассказом о композиторе.

Лист, по ее словам, выходил на сцену в роскошном гусарском мундире с эполетами, грудь его была украшена орденами, на боку висела инкрустированная изумрудами и рубинами сабля. Женщины сходили по нему с ума. Когда Лист начинал снимать перчатки, самые нервные падали в обморок. «Хм!» – говорил Лист, поправлял усы, а усы у него были как у генерала, и, перебросив уже ненужные перчатки через плечо, шел к роялю.

Снимал ли он саблю или так и играл с ней – не знаю. Хозяйка не сообщила, но в конечном итоге, я о другом. А именно о том, что я тоже был на одном концерте, где пианистка, это была Патриша Барбер, как бы продолжила традицию Листа, но по-своему. Она, значит, поднялась на сцену, села к роялю, сняла кроссовки, потом сняла носки, бросила все это под стул и... начала играть и петь.

Те еще манеры, как сказали бы в моем городе.

Как на это отреагировала публика? Да никак! В обморок никто не упал. Ну, действительно, может, женщину мозоли беспокоили, или кроссовки у нее тесные, а может, она просто любит, чтобы у нее ноги дышали, кто ее знает?

Теперь некоторые важные подробности.

Я со своей женой специально пришел на концерт за полчаса, чтобы заказать говяжьи ребра и спокойно насладиться ими до начала представления. Забыл сообщить, что концерт был в манхэттенском клубе Jazz Standard. Кухня у этого клуба общая с рестораном Blue Smoke. И вот копченые ребра там такие, что язык можно проглотить. Короче, мы заняли первый столик у сцены, разместили заказ, ждем. Напротив нас устроилась пара французов. Заказали себе по бокалу шампанского, пригубили и, слово за слово, мы с ними разговорились. Мечтали, сообщают они, попасть в настоящий джазовый клуб, ощутить его истинный дух. Да-а, думаю, сейчас нам наш заказ доставят, вы его и ощутите. А время между тем идет, уже и оркестр начал по местам рассаживаться, зал полон, а официанта как волной смыло. Короче, появляется он одновременно со звездой вечера и двумя ведерками. Это у них там такой стиль – пейзажный – одно ведро с ребрами, а второе для костей.

Соседи наши даже притихли от такой неожиданности. Мы, понятное дело, им предложили разделить нашу скромную трапезу, но видимо у них на родине наши деликатесы с их шампанским не идут. Ну, еще бы, Франция!

А тут с одной стороны Патриша Барбер, сняв носки, исполняет свои песни, а с другой аудитория, закатав рукава, уписывает эти ребра за обе щеки. Плюс запах такой, что голова кругом. От ребер, я имею в виду. Невольно даже встает вопрос: кто тут должен в обморок падать – аудитория

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая Юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор пяти книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».

или артистка? Но эта Барбер держится, играет и поет как ни в чем не бывало. Настоящая работница искусств, одним словом!

Да-а, времена меняются и нравы тоже, и, знаете, я как раз это приветствую. Я, например, не хотел бы, чтобы кто-то начал падать в обморок от наших американских манер. Вы вообще можете себе это представить: на сцене носки, в зале обглоданные кости, какой-то нервнобольной лягушатник со своей мадемуазелью на полу валяются, и все это под звуки джаза, который тот же Ференц Лист и за музыку бы не посчитал. И еще эта женщина босиком за роялем сидит!

Но я отвлекся. Как следовало из рассказа пригласившей нас на вечер пианистки, в середине своего жизненного пути Лист потерял сына, а вскоре после этого – дочь. Разбитый горем, он удалился в монастырь, где провел пять лет в качестве прислужника. Отношение к нему там было уже, конечно, не тем, что раньше. Братия называла его «наш маленький аббатик». Говорила ему: «Эй, аббатик, не зевай, тащи сюда кадило, да поскорее!»

Я знаю, что я бы сейчас просто потряс аудиторию, если бы сообщил, что и Патриша Барбер тоже постриглась в монахини. Отнюдь нет! Вместо этого она женилась на музыковедке Марте Фельдман. Можете проверить в Википедии. В наши дни этим, конечно, никого не удивить, впрочем, как и во времена Ференца Листа, никого не мог удивить уход в монастырь.

II. Диктофон (Пэт Метини)

В середине 80-х в СССР приехал знаменитый американский джазовый гитарист Пэт Метини со своей группой. Одна из гастрольных остановок была в Киеве. Я тогда работал в одесской комсомольской газете и писал, среди прочего, о музыке, которую знал и любил. Метини был тогда одним из моих кумиров. Я помчался в Киев.

Весь город был в огромных афишах о концерте звезды джаза во Дворце спорта. Я прямым ходом туда. Возле кассы – ни души. Ну, думаю, билеты, конечно, раскуплены. На всякий случай подхожу к окошечку.

– Здравствуйте, у вас билеты на Пэта Метини есть?

– Даже больше чем надо. Вам в каком ряду?

– Дайте в десятом.

– Возьмите. С вас два рубля.

– А в пятом есть?

– Есть.

– А поменять десятый на пятый можно?

– Молодой человек, меня здесь торговать посадили, а не шило на мыло менять. В зале пересядете.

Я еле дожидаюсь вечера. Концерт – потрясающий. Музыка, звук – как с пластинки. При этом две трети зала пустые. Все, кто знал, кого пришел слушать, сбились в партере, а на дальних трибунах возмущенная пэтэушная молодежь орет: «Метал давай, падла!»

Выхожу с концерта совершенно ошалевший и иду к служебному выходу ждать артиста – вдруг смогу взять у него интервью. И вот он выходит. Копна волос, джинсы, белые кросовки, полосатая майка, ослепительная, как говорят про американцев, улыбка. И за ним весь его состав, который я по сей день могу назвать поименно: Лайл Мейс, Стив Родби и Дэн Готлиб. Считаю, четыре десятка лет пролетело, а помню. Потому что жил этой музыкой. Да, так-то вот.

Короче, подхожу к артисту и говорю: так и так, я корреспондент молодежной газеты из Одессы, мог бы я взять у вас интервью?

– Конечно, – отвечает. – Приходите завтра за час до концерта, поговорим в гримерной.

Вечером звоню своей подруге и, захлебываясь от одолевающих меня эмоций, рассказываю про концерт, а главное, что сам Пэт Метини согласился дать мне интервью!

– Та, – говорит, – лучше бы ты у «Би-Джиз» интервью взял.

Ну, что тут сказать? Музыка – дело вкуса. Есть такие меломаны, которые всю жизнь «Джулай морнинг» слушают со слезами на глазах. Так что я, любимой женщине «Би-Джиз» не прошу?

– Послушай, – продолжает она между тем. – Тут один киевский знакомый моей мамы хочет передать мне свежий номер журнала «Бурда Моден». Ты можешь его взять у него и привезти? Только проверь, чтобы вкладыш с выкройками был на месте.

– Никаких проблем, – отвечаю. – Пускай завтра приносит свою «Бурду» ко Дворцу спорта ровно без пяти шесть. Только без опозданий, меня звезда ждет.

– Ну, спасибо. Сейчас мама ему перезвонит. Ты сам, главное, не опоздай.

На следующий день без пяти шесть у Дворца спорта появляется мужина пожилого возраста в шляпке и сандалетах. В одной руке он держит журнал с яркой зарубежной обложкой, а в другой – ведро. Обычное цинковое ведро, накрытое каким-то платком.

– Вы такой-то?

– Да, это я.

– Это – вам.

Он протягивает журнал, а ведро ставит мне под ноги.

– Не понял, а ведро, что ли, тоже мне?

– Это – мясо.

– Какое мясо?!

– Свиная вырезка. Для вашей тещи. От Алексея Михайловича.

– Подождите, во-первых, она мне пока еще не теща, а во-вторых, ни про какие ведра с мясом мы не договаривались. Извините меня, но ведро я взять не могу!

– Ну, знаете, молодой человек, при таком подходе к жизни вы рискуете потерять такую тещу, какой вы больше не найдете. Ни с мясом, ни без мяса. Такие женщины на дороге не валяются.

Я стою смотрю на него, он смотрит на меня. Очень строго. Не знаю, что он думает про меня, но я в этот момент прямо-таки вижу, а воображение у меня – мама не горюй, как я появляюсь с этим ведром перед знаменитым американским джазменом.

– Здравствует, мистер Метини, не обращайтесь внимания, это тут Алексей Михайлович моей будущей теще мясо передал.

– Мясо?!

– Да.

– В ведре?!

– Слушайте, мистер Метини, у нас тут не Америка. Традиции, обычаи, привычки – все другое. Поэтому мясо мы, бывает, носим в ведре. Если оно есть. Я о мясе. Да и о ведре тоже. Еще скажите спасибо, что я его в карман не положил, потому что у нас тут и с оберточной бумагой тоже проблемы, я уже не говорю о целофановых кулечках.

– Алексей Михайлович, – вру я тогда этому типу. – Вы меня, конечно, извините, но я сегодня улетаю по заданию редакции в Москву, и домой в Одессу вернусь только через две недели. А через две недели меня с этим мясом ни в один самолет не пустят.

– Нет, ваши приоритеты меня определенно удивляют, – говорит Алексей Михайлович. – Я это должен буду обсудить с вашей тещей.

– Да она мне не теща!

Но он уже не слушает. Берет ведро и уходит. Хорошо еще, что журнал не отобрал.

А через несколько минут я показываю вахтеру свое журналистское удостоверение, тот зовет кого-то чином постарше, и меня проводят в примерную моего кумира. По-прежнему сияя своей американской улыбкой, он показывает на стул. Я сажусь, достаю ручку и блокнот.

– А диктофона у вас нет? – интересуется Метини.

И тут меня посещает очередное видение. Как вы уже поняли, я их генерирую с пугающей меня самого легкостью. Я представляю себя со злополучным ведром, которое я все-таки взял у этого Алексея Михайловича и пришел с ним на интервью.

– Простите, а это что у вас? – спрашивает меня музыкант.

– А это мой диктофон, мистер Метини! Форме и размерам удивляться не надо, потому что

тут все такое. У нас даже поговорка есть: советское значит отличное. В смысле отличается от всего остального в мире. Это у вас диктофоны маленькие и прямоугольные, а у нас – большие и цилиндрической формы. Потому что звук лучше входит и сохраняется именно в цилиндре. Это доказано нашими учеными. Кнопок тоже нет. Он сам заводится от звука. Говоришь: раз-два-три, хлопаешь в ладоши и – поехали.

Да, но ведра со мной не было. Короче говоря, я прекрасно справился с интервью, как обычно пользуясь блокнотом и ручкой. Была в те времена такая технология, и ничего, работала. Ну, вот. Интервью опубликовали. А моя любимая девушка стала моей женой. А ее мама, соответственно, моей тещей. Она неплохо ко мне относилась и, вы не поверите, но когда мы перебрались в Нью-Йорк и я начал работать в местной русской газете, она мне сделала отличный подарок – диктофон «Панасоник».

III. Поздние проводы (Коля Ноготь)

У нас тут на Брайтоне жил один музыкант – Коля Ноготь. Своим прозвищем он был обязан технике игры на гитаре. Он не пользовался медиатором, а бил по струнам ногтем большого пальца – как Джефф Бек.

Коля выступал во всех русских ресторанах Нью-Йорка, но его отовсюду выгоняли. Дело в том, что когда он напивался, он устраивал такие концерты, что люди их потом вспоминали всю жизнь. На сцене возле него всегда стояла бутылочка воды, и в промежутках между песнями он отпивал из нее глоток-другой, только это, как вы понимаете, была не вода. Достигнув кондиции, Коля преображался. Вот он тебе мирно брэнчал «Семь тысяч над землей», и вдруг рожа у него становилась багровой и он вламывал такой Smoke on the Water, что посуда с полок падала.

Один раз я это видел своими глазами. После первых ударных аккордов Коля спрыгнул в зал, там забрался на ближайший банкетный стол и, размахивая своим самопальным стратокастером, двинул прямо по тарелкам с закусками, потом поскользнулся, грохнулся задом в какой-то салат с крабами, и все это не переставая рвать струны и орать про дым над водой и огонь в небе. Что началось! Мужики матерятся, бабы визжат, кто-то метнул в Колю бутылку шампанского, но попал не туда, оттуда тоже вопят. Прибежали официанты, тянут Колю со стола за ноги, он отбивается, гитара ревет как раненый зверь, короче – ужас!

Когда Коле уже не осталось где играть, он еще выходил с портативным усилком и гитарой на Бордвок, но длилось это недолго. Наш участковый мент Арик подойдет, бывало, к Коле и говорит: «Братан, сворачивай свою музыку, люди жалуются. Сильно громко». Ну, Коля свернется, мелочь из банки для подаяний пересыпет в карман и пойдет. Арик ему: «Стой!» Тот остановится. Арик ему пятерку сунет и говорит:

- Только водку не покупай, пойдя пожрать себе возьми.
- Да не голодный я, – отвечает Коля. – Мне бы поиграть.
- Братан, бухать надо меньше, тогда и играть будешь в положенном месте. Понял?
- Понял.
- Все, иди.

Еще он какое-то время на платформе сабвея «Семь тысяч над землей» в формате unplugged исполнял, но это уже был не тот Коля Ноготь, которого мы знали в его лучшие, так сказать, моменты.

Нищета его, конечно, крепко пришибла. Бывает, смотришь: Коля это или его серенькая тень у винного магазина стоит? Так вот он и угасал в глазах своей старой аудитории, когда ему вдруг подвалило счастье – скоростижно скончалась бабка, у которой он снимал квартиру – тетя Рита.

Нет, вы только представьте: вот она каждого первого числа тарахтит в твою дверь с требованием внести квартплату, а вот она уже тихо лежит в своей старушечьей кровати и никого не беспокоит! Перемена настолько стремительная, что поневоле задумаешься: стоит ли так выкладываться на отпущенной тебе дистанции?

Да, а в доме этом, помимо покойницы и Коли, еще проживали молодожены Андрюха и Оксана Хапенки. Коля квартировал в двух комнатных за гаражом, а покойница с начинающими супругами на втором этаже обитала.

Оксана первой сообразила, что случилось. Говорит: Коля, ты молодой, залезь на крышу гаража и загляни к ней в окно, чего она там себе думает? Ну, Коля залез, поднял раму, смотрит – лежит тетя Рита и тихо смотрит в потолок. Он ее окликнул для порядка, никакой реакции. Все, думает, приплыла бабушка в свою последнюю гавань.

– Ну, и чего там? – интересуется Оксана.

– Чего-чего, в 311 надо звонить, нехай тело вывозят.

– Ты что, пьяный? – спрашивает Оксана. – Сегодня первое февраля, квартплату вносить больше некому, так что до марта никуда звонить даже не думай. А бог даст, весна будет холодная, так можно и до апреля продержаться.

Потом мужу своему:

– Андрюха!

– Ну, че те?

– Пойди тете Рите отопление отключи, а ты, Коля, пока не слез, все окошки у нее открой. А я котлет с картошкой нажарю.

А у этой Оксаны чуть что – котлеты с картошкой, только повод дай. И вот на тебе повод – поминки!

Ну, Колю, ясно дело, как специалиста узкого жанра, послали в винный, где он на только что сэкономленные деньги взял бутылку «Котлована» к столу и еще шкалик «Смирновской» – себе на утро. Чтобы два раза не вставать.

Ну, сварили, сели, открыли, разлили, помянули тетю Риту, царствие ей небесное. Да-а, хорошая женщина была, хоть и строгая, особенно с деньгами, но дело такое – Бог дал, Бог взял, с ним не поторгуешься. Так что наливай еще по одной, пока котлеты не остыли.

И вот так они живут: месяц проходит – квартплата в карман, второй проходит – снова в карман. Андрюха уже подумывает о новой тачке, Оксана дубленку на распродаже взяла – по случаю конца сезона. Даже Коля, до чего безалаберный человек, а тоже со «Смирновской» на «Котлован» перешел, и даже заначил на черный день литрочку новой своей возлюбленной. Вот это уже настоящая Америка, холера ее раздери! Ан нет, в июне органическая химия все-таки берет свое. Летний бриз с океана приносит запах, отдаленно напоминающий запах не самой свежей рыбы. И этот запах дает совершенно неожиданный эффект – у Коли просыпается совесть. Он тогда стучит соседям в окно и говорит:

– Оксана!

Та появляется, халат запахивая, и тут же Андрюха за ней. Оба румяные такие, растрепанные.

– Ну, че те?

– Я тут, знаете, подумал и решил, что как-то это не по-людски. Надо бы, все-таки, тетю Риту похоронить.

– А полторы тысячи в месяц брать за эти скворечники – по-людски? – отвечает Оксана. – Ничего с ней не будет, нехай лежит.

– Я тебя слышу, Колян, – подает голос Андрюха. – Но ты тоже пойми – жарко, отсюда и амбрэ.

– Амбрэ! – говорит Оксана. – Очень ты нежный стал в Америке. Значит так: вставим тете Рите в окно кондиционер и пусть ей там будет хорошо и прохладно.

Ладно, скинулись, купили кондиционер, вставили его куда надо и снова жизнь идет, деньги капают. И тут по телевизору сообщают, что на Нью-Йорк движется страшный ураган. Пока он еще только приближается, в дверь стучат. Открывает Оксана. На пороге почтальон-печкин с кийпой писем.

– Здравсьте, а вам что – почта больше не нужна? Ящик забит так, что складывать больше некуда! Где адресат?

«Упс! – думает про себя Оксана. – Действительно, про тети Ритин почтовый ящик уже и думать забыли».

– Адресат ваш, в смысле наша тетя Рита, сильно устала и теперь спит, – отвечает тогда она. – Давайте, что у вас там. Как проснется, я ей вручу лично в руки.

Почтальон уходит, а Оксана садится на крыльцо и начинает перебирать довольно таки увесистую пачку корреспонденции. А там: счета за свет, счета за газ, из банка счета, одно письмо просто с явной угрозой: поскольку вы прекратили вносить плату по займу и не отвечаете на наши призывы к вашей совести, ждем вас в суде, шутки кончились.

– Ну, все, – говорит Андрюха. – Сколько веревочке не виться, а платить придется. А я только тачку присмотрел.

А Коля, напротив, радуется.

– Похороним наконец нашу тетю Риту, потому что она у меня просто как камень на шее висит. И это уже не говоря про все эти ароматы.

– Минуточку, – говорит Оксана, – главное, не делать резких движений. Как говорили в семье Ленина: Надежда умирает последней. Давайте подождем урагана. Может, он вообще этот дом смоев в океан нахрен. А нам еще и субсидируемое жилье дадут как жертвам стихии.

– Ладно, – говорит Андрюха. – Я сейчас куму позвоню в Бронкс, пересидим ураган у него, а ты, Оксана, иди пакуйся. Сковородку только не забудь.

Короче, запаковались они, да так, что сами еле в свой тарантас втиснулись, помахали Коле на прощанье, мол, держись, пацан, русские не сдаются, и отбыли к куму своему.

Не успели Хапенки завернуть за угол, как начинается: ливень льет, молния бьет, ветер свистит, и воды уже по колено! Нет, постойте, какое по колено, по пояс уже! Мамочка моя родная, что же делать?!

Ну, ясно что. Коля достал заначенную литровочку «Котлована», банку шпротов и пошел на чердак. Там он выпил, закусил и лег спать на старый матрас из хозяйства покойной тети Риты. Да, чуть не забыл, гитару свою любимую он тоже наверх притащил, потому что кроме нее у него же буквально – никого.

И вот он спит себе сном праведника, как это называется, а стихия под ним и над ним просто рвет и мечет. Но в конечном итоге она успокаивается, и как раз к этому моменту Коля продирает глаза. Осматривается с удивлением – типа где я? – и видит, что в окошечке под самой крышей, как и полагается после правильного потопы, светит солнце и сияет радуга. Мать честная, ну как же за это не выпить?!

Он выпивает и одновременно слышит такие звуки, как если воду, которая, видимо, собралась в доме, пока он спал, со страшным ревом втягивает в какую-то разверзшуюся под ним воронку.

Коля тогда вливает в себя еще сто пятьдесят для храбрости и выходит со своего чердака наружу. Что же он видит? Даже не спрашивайте, лучше бы он этого не видел!

Пол на втором этаже провалился, и видно, как бурлящий водоворот втягивает в себя всевозможное домашнее барахло, а на самом краю этой роковой бездны стоит стоймя кровать тети Риты вместе с самой тетей Ритой!!! За полгода лежания она так крепко с ней срослась, что никаким ураганом не оторвешь!

Коля смотрит на новый цвет лица тети Риты, на ее седые волосы до плеч, на ее черные глаза и от ужаса каменеет, но ненадолго, потому что остатки дома валяются со страшным скрипом набок, как те башмаки из известной песни про Костю-моряка. И тут же мощный поток подхватывает их вместе с Колей и его домохозяйкой и уносит в океан. Сбылся-таки Оксанин прогноз!

И вот они уже плывут, покачиваясь на легкой океанской волне. Тетя Рита, кажется, даже улыбается – она явно рада перемене обстановки, а что до Коли, то взобравшись на какую-то дверь как на плот, он прижимает к себе покрепче любимую гитару с не менее дорогой литровочкой «Котлована» и наблюдает за движущимся мимо него брайтонским берегом. Ах, какое все знакомое: магазины и рестораны, детская площадка и эстакада сабвея, чайки и голуби. Коля отвинчивает крышечку, делает еще глоток, шморгает носом и блаженно улыбается, как человек, которому показывают видео из мест, с которыми его уже ничего не связывает, кроме приятных воспоминаний.